

Точка зрения

УДК 32.019.51

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Речевое действие как фактор социально-политических изменений: к постановке проблемы

Дауд Эсенбаевич КАДЫРОВ

кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: daudkades@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3232-6307

ЦИТИРОВАНИЕ: Кадыров Д.Э. Речевое действие как фактор социально-политических изменений: к постановке проблемы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 187–203. DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Статья поступила в редакцию: 23.09.2023.

Исправленный текст представлен: 06.12.2023.

АННОТАЦИЯ. Целью данного исследования является постановка проблемы анализа взаимосвязи концептуальных (языковых) и социальных изменений, а также раскрытие роли социально-политического речевого действия политических теоретиков как ключевых акторов этих процессов. В статье рассматриваются вопросы конструирования и изменения социально-политической реальности, а также роль в этих процессах речевых актов как особого типа социальных действий. На материале общей теории социальной реальности Дж. Сёрля речевые акты рассматриваются как основа и необходимое условие социально-политических изменений. Описываются структура и элементы речевых актов в рамках теории речевых актов Дж. Остина, дополненной и формализованной Сёрлем. Обсуждается влияние данной теории на становление теоре-

тико-методологического подхода Кембриджской школы интеллектуальной истории, применяемого для понимания анализа социально-политических изменений в различных обществах и исторических периодах. В качестве примера подобных исследований описываются основные элементы подхода одного из основоположников Кембриджской школы Кв. Скиннера. Аналитический инструментарий, применяемый Скиннером и его коллегами, помогает понять связь между концептуальными и социальными изменениями в истории политической мысли. Рассматривая политических теоретиков как идеологов, Скиннер через анализ политических языков и идеологического контекста объясняет, как эти авторы-идеологи с помощью высказываний, являющихся основой их теоретических концепций и риторики, намеренно совершают определенные действия, меняющие социаль-

но-политическую реальность. Также рассматриваются возможности, попытки и перспективы применения методологии Кембриджской школы к исследованиям в области отечественной истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *конструирование социальной реальности, политическая онтология, социально-политические изменения, теория речевых актов, Джон Сёрль, интенциональность, социально-политическое действие, риторика, Квентин Скиннер.*

Анализ социально-политических трансформаций представляет определенную проблему для исследователя в силу особенностей и сложной структуры самой социальной реальности. Будучи частью объективного мира, эта реальность детерминирована свойствами восприятия и множеством ментальных состояний человека, определяющих его цели и действия. Через эти действия в рамках социального взаимодействия конструируется и изменяется социальная реальность, конституируются социальные факты и формируются институты, а также определяются функции образующих структуру социальной реальности феноменов. При этом последние не могут быть установлены в отрыве от своих функций. В этом заключается основная сложность анализа социальной реальности [Searle, 1995, p. 2–5].

Эти характеристики относятся и к политической реальности как одной из сфер социальной реальности. Все политические факты, явления и институты как подтипы социальных фактов также зависят от восприятия и действий человека. Однако политическая сфера человеческого бытия имеет свои особенности, поскольку человек не единственное социальное существо, но единственное политическое [Поспелова, 2010; Поспелова, 2011].

Изменения социальных и политических институтов современного общества особенно интенсивны в силу его технологического развития. И хотя с одновременным развитием науки теоретическая мысль расширяет аналитический инструментарий для осмысления этих процессов, существующие методы не всегда позволяют исследователю достаточно глубоко раскрыть проблему, а также могут не соответствовать особенностям сложной социальной структуры конкретного общества, как современного, так и других исторических периодов. В связи с этим анализ данной проблематики зачастую требует корректировки теоретико-методологической базы.

Для разрешения этой исследовательской задачи необходимо прежде всего понимание оснований, на которых базируются социальные действия, а также переосмысление процессов формирования социальных институтов.

Теория социальной реальности Джона Сёрля

Здесь стоит прежде всего обратиться к общей теории социальной реальности известного американского философа Джона Сёрля, которая часто, хотя и не без критики, рассматривается «как отправная точка большинства анализов социальной онтологии» [Gallotti, Michael, 2014, p. 5]. Данная теория, предложенная Сёрлем в работе «Создавая социальный мир: структура человеческой цивилизации» [Searle, 2010], представляет собой обширный и длительный проект, в рамках которого он развивает более узкую «специальную теорию социальной реальности» (такое название он дал ей позднее), представленную в более ранней работе «Конструирование социальной реальности» [Searle, 1995]. В рамках своей

общей теории Сёрль также рассматривает отдельные вопросы философии сознания и такие темы, как теория речевых актов, теория рациональности и концепция интенциональности. Философия Сёрля широко исследуется и рассматривается как революционная в том, как она отвечает на некоторые основополагающие вопросы исследуемой им проблематики [Левин, 2011, с. 161–162].

Мы не будем подробно описывать весь концептуальный аппарат и исследуемые Сёрлем вопросы, а разберем лишь некоторые их аспекты и элементы, наиболее релевантные в рамках данной статьи.

Итак, согласно Сёрлю, социальная реальность в каком-то смысле становится для нас «невидимой», если мы не задумываемся о природе институциональных фактов и об онтологических основаниях социальных феноменов, которые обычно воспринимаются как простые и естественные, словно независимые от нашего восприятия и намерений. Так мы оказываемся в ситуации, когда, по выражению Сёрля, «сложная онтология оказывается простой; простая онтология оказывается сложной» [Searle, 1995, p. 4].

С целью обратить внимание на онтологические основания этих явлений и сделать определенные выводы Сёрль пытается для начала выделить ряд их особенностей и характеристик [Скрипник, 2020, с. 103–104]. Ключевым термином для объяснения природы социальной реальности в его теории является интенциональность, которую он определяет как «свойство многих ментальных состояний и событий, в силу которого они направлены на объекты и положения дел в мире» [Searle, 1983, p. 1]. Именно интенциональность как свойство человеческого сознания определяет процесс формирования социальных институтов. Без интенцио-

нальности социальные факты и явления не могут быть конституированы, наделяются определенным статусом и функциональным содержанием. Особую роль в этом процессе играет коллективная интенциональность, благодаря которой через социальные конвенции образуются новые институциональные факты [Searle, 1995, p. 23–26; Сёрль, 2004b, с. 75–76; Чиков, 2007, с. 212–213]. Таким образом, понимание интенциональности является важным элементом адекватного анализа социально-политического измерения человеческого бытия. Сёрль занимается этой темой уже четыре десятилетия. За это время его концепция интенциональности стала главной в США. Однако, несмотря на то, что концепция «интенции» и проблема интенционального анализа в целом, как и философия Сёрля в частности, уже подробно исследуются в России, именно теория интенциональности Сёрля еще относительно мало представлена и остается в российском академическом дискурсе «белым пятном» среди всех его теоретических разработок, в том числе из-за отсутствия перевода его ключевых текстов, посвященных данной проблематике [Никоненко, 2017, с. 14].

Еще одним необходимым условием конструирования социальной реальности в теории Сёрля является язык, то есть использование речевых актов – вербальных конструкций, высказываний, с помощью которых реализуются социальные действия и создаются институциональные факты. Сёрль приходит к выводу, что «вся человеческая цивилизация создана речевыми актами» [Searle, 2010, p. 12]. Исключением здесь является сам язык, который, будучи частью социальной реальности, конструирует ее и при этом сам конструируется в ее рамках. Здесь возникает проблема замкнутого круга, в решение которой Сёрль также пытается внести свой вклад [Каримов, 2010, с. 84–85].

Таким образом, язык, речевые акты как основа социального действия являются важным элементом для объяснения социальных изменений [Searle, 1995, p. 59–78]. В общей теории Сёрля речевые акты, в свою очередь, обусловлены прежде всего интенциональностью. Результаты исследования этой концепции Сёрля нашли отражение в его так называемой теории речевых актов, скорее, даже ее интерпретации и более формализованном дополнении, поскольку Сёрль не был основоположником данной теории.

Теория речевых актов Джона Остина

Изначально понятие речевого акта было введено британским философом языка Джоном Остином (1911–1960) в его классических работах. Он был одним из ученых, критиковавших устоявшиеся в XX в. методы анализа речевых актов, сосредоточенных на проблеме истинности высказываний, которые, как предполагалось, могут лишь описывать и констатировать некое явление или факт [Сёрль, 2004а]. Остин обратил внимание на то, что есть высказывания, которые сами являются обозначаемым ими действием, – «перформативы». Когда мы произносим какое-либо высказывание в рамках социального взаимодействия, мы целенаправленно совершаем определенное действие. Это вербально выраженное действие и является речевым актом. Такие высказывания не могут быть рассмотрены в категориях истинности или ложности, подобно констатирующим высказываниям – «констативам».

Остин постепенно стирал границу между констативами и перформативами, в итоге вовсе отказался от их разделения, поскольку все они неотделимы от действий и, таким образом, имеют в своей основе перформативную со-

ставляющую. Вместо их разделения Остин решает разработать развернутую классификацию, в рамках которой могут быть осуществлены различные действия посредством высказываний. Известно, что «реализация речевого акта – это комплекс сложных многоступенчатых действий, целенаправленно совершающихся говорящим субъектом в направлении к слушателю с целью воздействия на сознание и поведение адресата [Красина, 2016, с. 93]. Главная задача классификации Остина как модели анализа как раз состоит в том, чтобы позволить описать большое разнообразие и сложность речевого взаимодействия. В результате исследований к середине 1950-х годов идеи Остина были преобразованы в теорию речевых актов (ТРА), изложенную в рамках его курса лекций в Гарварде в 1955 г. [Austin, 1975]. Таким образом, именно Остин был создателем оригинальной ТРА.

В своей классификации Остин обозначил три уровня/аспекта, составляющих единый речевой акт: (1) локутивный уровень – то, что говорится, то есть само высказывание (локуция); (2) иллокуция (лат. *in locutio*) – то, что содержится в высказывании помимо самих слов, то есть намеренное действие, которое говорящий выполняет, когда говорит что-либо, выражаемое разными способами и с определенной «иллокутивной силой»: обещание, убеждение, предупреждение, приказ, угроза, замечание, вопрос, ответ, шутка, информирование и т.п.; (3) перлокуция (лат. *per locutio*) – результат речевого акта, то есть эффект, воздействие, оказанное с помощью высказывания на аудиторию, на мысли, чувства и действия слушателей [Austin, 1975; Остин, 2004]. Структура речевого акта в чем-то схожа со строением неречевого акта: оба содержат намерение, цель и производимый эффект (результат).

В то время как локутивный аспект речевого акта является традиционной темой семантики, а перлокутивный – риторики, понятие иллокуции, предложенное Остином, обозначило не менее важный аспект высказывания, на который не обращали должного внимания. Предметом анализа теперь становится не семантика высказываний, а совершенные с их помощью действия, прагматика. В отличие от других теорий речевой деятельности и коммуникации, модель речевого акта, предложенная Остином, стала более узко фокусироваться на внутренней структуре речевых актов и рассматривать их как способ достижения определенных целей в рамках социального взаимодействия [Бут, 2003].

Хотя в ТРА Остина уделяется особое внимание иллокуции, он тем не менее испытывал некоторые трудности с точным определением и классификацией иллокутивных актов, приводя лишь их примеры. В последующие десятилетия его идеи получили значительное развитие и распространение в работах других авторов. На сегодняшний день существуют различные классификации речевых актов. Особое значение имеет интерпретация, предложенная Сёрлем, который развил идеи Остина, формализовав его ТРА и заложив в нее основы иллокутивной логики через уточнение иллокутивного уровня речевого акта. Сёрль предложил более точное определение и классификацию иллокутивных актов, а также подробно исследовал и описал главный элемент в определении иллокуции – концепцию интенции (намерения). В основу классификации Сёрля легло различие высказываний по характеру их иллокутивной силы, в которой выражается намерение и которая лежит в основе всех речевых актов. Так, подобно Остину, стиравшему различия между констативами и перформативами, Сёрль скло-

няется к тому, что все речевые акты можно называть иллокутивными.

ТРА позволяет нам лучше понять влияние речевых актов как формы социального действия на социальную реальность. Сегодня ТРА как основа лингвистической прагматики применяется при анализе текстов и их профессиональной экспертизе в различных сферах, в том числе для правовой оценки в процессе судопроизводства [Радбиль, 2013]. Однако одним из наиболее примечательных для нас является пример использования ТРА при анализе истории политической мысли.

Теория речевых актов в интенционалистском подходе Квентина Скиннера

Теория Остина сыграла основополагающую роль в становлении подхода еще одного важного в данной области исследований автора – интеллектуального историка, философа и политического теоретика Квентина Скиннера [Рихтер, 2018, с. 348]. Сегодня он является самым известным, влиятельным и цитируемым (в том числе в России) представителем и основоположником так называемой Кембриджской школы интеллектуальной истории (*Cambridge School of Intellectual History*). Другие ее основоположники – Джон Покок и Джон Данн. Теоретико-методологический подход Кембриджской школы является важным источником для анализа социально-политических трансформаций. Он примечателен прежде всего тем, что рассматривает высказывания авторов политической мысли как речевые акты, то есть для кембриджцев политические идеи, теоретические концепции и тот язык, которым авторы их описывают, выступают как социальные действия. Данный подход также называют «методом контекстуализма», поскольку в широ-

ком смысле он представляет собой контекстуальный способ интерпретации политической мысли, метод анализа текстов прошлого с акцентом на исторических условиях их возникновения и в неотрывной связи с биографией их авторов, поскольку их высказывания и идеи могут быть адекватно поняты только в интеллектуальном контексте, в котором они осуществлялись. Подобный анализ позволяет исследователю понять роль политических идей как части исторических процессов.

Методология Кембриджской школы отчасти формировалась и приобретала свои «контекстуалистские» очертания в период, когда Скиннер начал формулировать свой подход «в терминах теории перформативных речевых актов» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 25], интегрировав в него категориальный аппарат Остина. Так, опираясь на анализ, проделанный Остином, Скиннер в своих исследованиях демонстрирует каждый аспект речевого акта на конкретном примере [Skinner, 1988, p. 83–84]. Таким образом, теория Остина стала важной теоретической опорой и одним из импульсов [Кадыров, 2018] для формирования подхода Кембриджской школы. И хотя со временем Скиннер почти перестал упоминать Остина в своих работах, он не отказался от остиновского «жаргона», который по сей день использует в своих исследованиях [Павлов, 2018, с. 271; Скиннер, 2005, с. 146], а также по-прежнему признает основополагающую роль ТРА в своем подходе [Рихтер, 2018, с. 348].

Здесь следует отметить, что ТРА, несмотря на свое влияние на Кембриджскую школу и другие научные подходы и методы анализа текстов, как и любая теория, имеет определенные ограничения и недоработки. Отсюда различные попытки формализовать и дополнить ТРА, как это делал Сёрль. Так, используя элементы теории Остина, Скиннер

позаимствовал для формирования «каркаса» [Рихтер, 2018, с. 358–359] своего подхода идеи из трудов других авторов по аналитической философии, прежде всего из философии языка позднего Витгенштейна. Обращаясь к «Философским исследованиям» [Витгенштейн, 2018], Скиннер принял попытку интегрировать в теорию Остина витгенштейновскую концепцию значения. Кроме того, в трудах Скиннера мы также видим отсылки к анализу теорий языка Сёрля, Куайна, Дэвидсона и Грайса [Skinner, 2002c].

Расширив идеи Остина в своем подходе, Скиннер и его коллеги пытаются разработать инструментарий для понимания того, кто и как создает и меняет социальную реальность. В своем анализе политической мысли Скиннер пытается понять и проследить связь между концептуальными и социальными изменениями в истории, то есть объяснить, как авторы с помощью высказываний, являющихся основой их теоретических концепций и риторики, совершают действия, меняющие социальную реальность.

С этой целью Скиннер пытается разработать собственные методы и правила интерпретации текстов, в которых используются ключевые для интеллектуальной истории концепции [Скиннер, 2018a; Скиннер, 2018b], и обращается к работам по теории интерпретации и философскому анализу языка. В частности, благодаря анализу, проделанному Остином, Скиннер приходит к выводу, что необходимо исследовать не значение высказываний, а их употребление, то есть рассматривать их как вид социального действия. Как видим, философия языка в подходе Скиннера прежде всего связана с теорией действия, как у Остина и Сёрля: все они «проводят различие между чисто семантическим пропозициональным содержанием высказыва-

ний и их зависимой от использования прагматической иллюкутивной силой» [Mulrow, Mahler, 2010, S. 9–10].

Также в методологии интерпретации текстов у Скиннера главным становится вопрос о том, каким намерением руководствовались авторы [Скиннер, 2018], поскольку речевое действие всегда связано с определенным намерением и не ограничено рамками определенного значения. Таким образом, как и в теории Сёрля, концепция интенции является центральной в подходе Скиннера. По этой причине последний также называют «интенционалистским» [Cervera-Marzal, 2012, p. 18]. С точки зрения Скиннера, одной из главных ошибок традиционных методов анализа классических текстов политической мысли было именно отсутствие должного внимания к намерениям их авторов.

Речевое действие и социальные изменения

Теория социальных изменений в подходе Скиннера опирается на особую роль в них языка. Поскольку социальная реальность определяется концепциями, которые «привносятся нами, когда мы пытаемся ее понять» [Скиннер, 2018с, с. 279], дискуссии и разногласия вокруг этих концепций отражают наше отношение к социальной реальности и оказывают определенное воздействие на нее. Таким образом, концептуальные изменения как перформативный эффект речевого действия становятся фактором социальных изменений.

Скиннер фокусируется на перформативности текстов и реконструкции речевых актов как особого класса социальных действий. При этом он не перестает задаваться вопросом об интенциональности и заниматься реконструкцией интенций, поскольку, анализируя языковые проявления кон-

цептуальных разногласий, можно выявить и интенции авторов [Покок, 2018, с. 147–148; Palonen, 2003, p. 89–90]. Обе эти задачи в равной степени важны для Скиннера как интеллектуального историка.

Исследуя глубокую связь языка и социальной реальности, Скиннер, как и Сёрль, пытался внести свой вклад в решение упомянутой ранее проблемы замкнутого круга, в котором язык конструирует социальную реальность и в то же время конструируется в ее рамках. Скиннер приходит к выводу, что было бы неправильно рассматривать концептуальные изменения лишь как отражение социально-политических трансформаций [Syrjämäki, 2011, p. 77]. Скорее, стоит говорить об их связи в терминах взаимозависимости, хотя более правильным было бы рассматривать их в диалектической взаимосвязи и «признать “искусственность различия между социальной реальностью и языком описания этой социальной реальности”» [Skinner, 2002b, p. 174]. Другими словами, концептуальные изменения одновременно выступают и как отражение, «индикатор» социальных изменений, и как их фактор-инициатор.

Скиннер прослеживает социальные изменения через анализ истории политической теории. Для него политические изменения неразрывно связаны с социальными и имеют социальное выражение, поскольку политика является важным механизмом изменения социальной реальности. Именно в политической сфере принимаются решения, какие изменения проводить и как менять социальные институты, формируя новую структуру общества. При этом язык выступает основным средством политической теории, поскольку практически вся совокупность социального взаимодействия в этой сфере сводится к речи, то есть целенаправленным со-

циально-политическим речевым действиям, Речевые акты совершаются в соответствии с определенными правилами и принципами в конкретной ситуации. А поскольку в политике человек несет большую ответственность за свои решения и действия, анализ перформативных аспектов языка политических акторов позволяет подробно рассматривать речевые действия со свойственными им намерениями, целями, производимыми эффектами. Метод Скиннера как раз основывается на таком анализе.

Стоит отметить, что, подобно Скиннеру, Сёрль также видит одну из своих задач в том, чтобы исследовать отношения между социальной реальностью и политической сферой человеческого бытия как специфической формы социального. Анализ этой проблематики Сёрль уделил отдельное внимание в рамках своей общей теории социальной реальности [Searle, 1995; *Поспелова*, 2010, с. 193].

Политическая риторика и идеологический контекст. Политический теоретик как идеолог

Скиннер в своих исследованиях часто обращается к анализу риторики и идеологии, поскольку методы исследования, применяемые к анализу идеологического контекста и риторических аспектов языка, позволяют нам понять, чего хотели, пытались и вообще могли добиться идеологи своими высказываниями, социально-политическими действиями.

Анализируя идеологию как «язык политики, определяемый своими конвенциями» [Талли, 2018, с. 221], Скиннер пытается объединить в своем подходе историю, политическую науку и философию. В свою очередь, особый интерес Скиннера к риторике связан,

в частности, с тем, что для него всякая концепция в истории политической мысли по сути представляет собой «языковые элементы в политической борьбе» [Garsten, Palonen, 2007, p. 567]. Кроме того, обращаясь к риторической традиции в своем анализе, Скиннер дополняет ТРА там, где она в силу определенных ограничений не дает ответов.

В подходе Скиннера выделяют ряд особенностей при анализе идеологии и риторики [Талли, 2018, с. 218]. Рассмотрим, как Скиннер подходит к исследованию этих вопросов.

Прежде всего, Скиннер и его коллеги по Кембриджской школе изменили саму концепцию истории и понимание задач интеллектуального историка: деятельность политического теоретика теперь рассматривается как политическая, поскольку взаимовлияние философии и политики на практике неизбежно.

Согласно Джону Пококу, еще одному основоположнику Кембриджской школы, сама природа дискуссий о политике «предполагает в отношениях «автор – читатель» как асимметрию, так и симметрию, поскольку, используя общий для них обоим язык, читатель может сам стать автором» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 31]. Он становится таковым, поскольку, интерпретируя политические тексты, занимает определенную позицию, поддерживает или критикует определенные мнения. Исследователь, политический теоретик, историк в своих текстах стремятся убедить других в истинности своей позиции и утвердить свои нарративы и интерпретации в качестве наиболее верных. Тем самым автор участвует в изменении и перераспределении власти, изменении социально-политической реальности и, даже «будучи частью академической системы, не перестает быть «политическим актором»» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 41]. Таким образом, автор становится идеологом,

разграничение между политическим теоретиком и политиком – всё менее заметным, разделение на реальную политику и политическую теорию – искусственным, а любая философия – идеологичной. Сама история, таким образом, становится пространством сосредоточения и формирования власти, в котором преобладают наиболее авторитетные нарративы, а любая попытка вмешаться в эти отношения власти способна лишь перераспределить или усилить ее. Следовательно, политических теоретиков стоит рассматривать как политических акторов-идеологов, осуществляющих набор «ходов» для достижения определенных целей, а их речевые действия – как риторику, направленную на то, чтобы придать убедительности своим аргументам. Для Покока история становится риторикой в той степени, в какой она изучает то, как различные нарративы, «политические языки» авторов конкурируют друг с другом [Araújo, 2017, p. 291].

Следуя данному выводу, не стоит также забывать, что сами основоположники Кембриджской школы, выступая в качестве читателя и интерпретатора, становятся авторами и политическими акторами. Скиннер как интеллектуальный историк, исследующий политическую мысль, придерживается точки зрения, что «историк здесь не действует от первого лица, как идеолог или философ, – он представляет “старые” и уже непонятные нам ходы как “новые” для современного понимания именно благодаря работе с контекстом» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 18–19]. Однако при этом Скиннер, отвечая на возражения по отношению к своему подходу, стремился «всё более и более “непосредственно” участвовать в политико-философских дебатах» [Weymans, 2003, p. 18–19] и тем самым всё больше проявлял себя именно как автор-идеолог.

При этом Скиннер разделяет позицию Покока при рассмотрении политического теоретика как идеолога. Хотя для Скиннера социально-политические изменения в некоторой степени спонтанны в силу того, что процесс «борьбы» интерпретаций ключевых социально-политических концепций, как правило, лишен телеологичности [Атнашев, Велижев, 2018, с. 29], эти трансформации могут осуществляться и целенаправленно. Идеологи являются главными действующими лицами в этом процессе. Выступая с критикой либо одобрением какого-либо мнения, они, как и все, стремятся прежде всего продвинуть определенную систему ценностей и распространить свое мировоззрение. Эта неизбежная борьба мировоззрений пронизывает труды по социальной и политической теории. Они неотделимы от идеологических конфликтов, а потому являются идеологическими текстами, в которых авторы пытаются узаконить одни взгляды и делегитимизировать другие [Skinner, 2007]. Таким образом, речевое действие становится способом осознанной манипуляции социально-политическим дискурсом с целью добиться определенных изменений в угоду личным интересам.

Как и любое речевое действие, социально-политическое действие идеолога направлено прежде всего на то, чтобы добиться определенного иллюкативного эффекта. Используя выражение Нюма Хомского, главная задача идеолога, будь то «реформатора или революционера – завоевать власть, а не создать более справедливое общество» [Chomsky, 2007, p. 80]. Для этого идеолог использует различные риторические приемы, однако не следует сводить их лишь к грубому «манипулированию набором понятий» [Павлов, 2018, с. 264], поскольку подобная манипуляция имеет ряд ограничений. Дело в том, что идеолог не может просто привнести нечто со-

вершенно новое в попытке добиться социально-политических трансформаций, поскольку он ограничен уже сложившимися в мире политическими языками. В концепции политических языков Покока язык выступает как метафора и является некой матрицей возможных аргументов в политическом дискурсе [Araújo, 2017]. В рамках этих правил формируется нормативный словарь, который способен как ограничить идеолога, так и помочь ему осмыслить окружающую его социально-политическую реальность [Покок, 2018, с. 149–150]. Таким образом, идеолог – это в первую очередь «экспроприатор», а не новатор.

Речевое действие идеолога нуждается в идеологической легитимности. Поскольку в силу ограничений конвенциями нормативного словаря в каждой ситуации существует ограниченное число речевых актов, которые могут быть восприняты как легитимные, манипуляции идеолога сводятся к обходу этих ограничений путем учета конвенций, приспособления их к своим целям и «игры с репертуаром легитимации» [Skornicki, 2019, р. 502]. С точки зрения Скиннера, новаторство идеолога заключается в том, чтобы с помощью подобного вмешательства изменить использование конвенций на фоне доминирующих общественных сил для распространения и закрепления новой идеологии [Атнашев, Велижев, 2018, с. 31].

Согласно Скиннеру, стратегии легитимации социально-политического речевого действия включают в себя ряд тактик различных форм. Например, одна из стратегий, описанных Скиннером, заключается в манипулировании потенциалом оценочных терминов как речевых актов и включает две конкретные тактики, первая из которых может быть выражена в грубой и мягкой формах. К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем их рассмо-

треть, поскольку для понимания классификации, предложенной Скиннером [Skinner, 2002a, р. 151–153] и описанной другими авторами [Syrjämäki, 2011, р. 73–75], необходимо подробное описание с примерами.

Идеи Скиннера оказали большое влияние на целое поколение последователей Кембриджской школы. Сегодня влияние его подхода в исследованиях по интеллектуальной истории настолько значительно, что он стал задавать методологические «стандарты» этого научного направления [Garsten, 2007, р. 570].

В отечественной гуманитарной науке, особенно в последние годы, предпринимаются некоторые попытки применения теоретико-методологического подхода Скиннера и его коллег по Кембриджской школе к интеллектуальной истории России. Особого внимания заслуживает сборник «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» [Атнашев, Велижев, 2018], основной целью которого является попытка продемонстрировать практическую актуальность методологии школы, а также описать ее историю и критику. Отдельный раздел сборника посвящен истории политических языков в России. Авторы статей пытаются критически переработать методологию кембриджцев, отбирая из нее конкретные элементы и адаптируя их для применения к отечественной истории.

Такая предварительная переработка перед локальной адаптацией подхода Кембриджской школы необходима в силу того, что некоторые обстоятельства затрудняют его применение в России, прежде всего в силу отличия контекста, в котором развивалась и менялась методология кембриджцев. Также это постепенное разделение интересов ее основоположников, хотя Скиннер здесь, скорее, является исключением, поскольку последовательно придерживался методологического

«ядра» Кембриджской школы и наиболее тщательно обособляет от него свои индивидуальные взгляды на определенные вопросы. Однако научный язык подхода Скиннера, как и у его коллег, всё же остается достаточно непривычным для российского исследователя «из-за его отчетливой ориентации на традицию англосаксонской аналитической философии середины XX века» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 26]. Несмотря на это, применение методологии кембриджцев по отношению к российской истории очевидно релевантно для отечественной гуманитарной науки. Для этого необходимо правильно сформулировать задачу и определить методологические рамки исследования. Как отмечает М. Велижев в своей статье из вышеупомянутого сборника, общая задача историков политических языков «состоит в реконструкции и сопряжении микроконтекстов, наполняющих тексты историческим содержанием и их легитимирующих. И в этом отношении исследовательская программа Кв. Скиннера и Дж. Покока <...> представляется продуктивной для изучения интеллектуальной истории России» [Велижев, 2018, с. 519].

Таким образом, можно заключить, что использование подхода Кембриджской школы к исследованию интеллектуальной истории России с учетом ее социально-политического контекста и культурной специфики, несомненно, имеет ценность для понимания социально-политических изменений в отечественной истории.

Заключение

Мы рассмотрели роль и функции речевых актов в конструировании социальной реальности и социально-политических изменениях. В своем анализе мы опирались главным образом на два источника. Прежде всего, это теория

конструирования социальной реальности Джона Сёрля, которая позволяет лучше понять природу социальной реальности, институциональных явлений и социально-политических изменений, а также проследить их механизм и эволюцию. Центральные положения общей теории социальной реальности Сёрля помогают объяснить, как, будучи частью объективного мира, социальная реальность во всем ее многообразии конструируется при помощи речевых актов.

Также мы рассмотрели влияние ТРА на становление теоретико-методологического подхода Кембриджской школы, основные элементы данного подхода, выработанные ее основоположником Квентином Скиннером, и попытались раскрыть его релевантность для исследования связи концептуальных (речевые акты) и социально-политических изменений. Рассматривая политических теоретиков как политических акторов-идеологов, Скиннер и его коллеги обращают внимание на их роль в социально-политических изменениях.

Хотя Скиннер применял свой подход не к современному обществу, вопросы, которые он поднимает, всё еще открыты для обсуждений и остаются на сегодняшний день актуальными для отечественной гуманитарной науки в целом и социально-философского познания в России в частности. Поэтому их еще предстоит исследовать в будущем.

Также совместное использование методологических принципов Сёрля и Скиннера применительно к проблематике данной статьи представляется продуктивным, имеет в перспективе широкий диапазон применимости к анализу различных сфер жизни общества и может способствовать разработке более продуктивного аналитического инструментария для исследования взаимосвязи концептуальных и социальных изменений.

Список литературы

Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 7–52.

Бут Н.А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий // Вестник ТГТУ. – 2003. – Т. 9, № 1. – С. 130–135.

Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: Первое «Философическое письмо» Чаадаева // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 500–521.

Витгенштейн Л. Философские исследования. – Москва : АСТ, 2018. – 352 с.

Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. – 2018. – № 4, ч. 2. – С. 288–302.

Кадыров Д.Э. Методология социально-исторического познания: подход Кембриджской школы интеллектуальной истории // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 253–260.

Каримов А.Р. Джон Сёрл о происхождении языка и деонтологии // Ученые записки КФУ. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 1. – С. 82–93.

Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. – 2016. Т. 20, № 4. – С. 91–102.

Левин С.М. Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Сёрла // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия : Философия. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 161–171.

Никоненко С. Интенциональность: Американская точка зрения. HORIZON. Феноменологические ис-

следования. – 2017. – Т. 6, № 1 (11) – С. 9–44.

Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – С. 23–34.

Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. – 2018. – № 4. – С. 261–302.

Покок Д.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 142–190.

Поспелова О.В. Фундаментальная онтология Джона Серля и минимальные условия политического // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. – 2010. – Т. 2, № 1. – С. 193–203.

Поспелова О.В. Политическое действие и проблема свободной воли в практической философии Дж. Серля // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 42–48.

Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (1). – С. 286–290.

Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 348–380.

Сёрль Дж. Введение // Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. – Москва : Едиториал УРСС, 2004а. – С. 6–13.

Сёрль Дж. Рациональность в действии. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004б. – 333 с.

Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018а. – С. 53–122.

Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018b. – С. 123–141.

Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018с. – С. 253–346.

Скиннер Кв. Язык и политические изменения // Логос. – 2005. – № 3 (48). – С. 143–152.

Скрипник К.Д. Дж. Серль: аналитико-семиотический каркас конструирования социальной онтологии // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 102–109.

Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 253–346.

Чиков М.В. Анализ трансформации институтов: методология исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294 (январь). – С. 212–214.

Araújo P. Pocock e a historiografia como linguagem política // Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura. – 2017. – Vol. 25, N 1 (33). – P. 275–294. – Португ. яз.

Austin J. How to Do Things with Words. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1975. – 168 p.

Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture

de Leo Strauss et Quentin Skinner // Klesis. Revue philosophique. – 2012. – N 22. – P. 11–28. – Франц. яз.

Chomsky N. On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume. – New York : The New Press, 2007. – 496 p.

Gallotti M., Michael J. Objects in Mind // Perspectives on Social Ontology and Social Cognition / Ed. by M. Gallotti and J. Michael. – Heidelberg, New York, London : Springer, 2014. – P. 1–15.

Garsten, B., Palonen K. Book Reviews (Review of Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric) // Ethics. – 2007. – Vol. 117, N 3. – P. 566–571.

Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. – Berlin : Suhrkamp, 2010. – 286 S. – Нем. яз.

Palonen K. Quentin Skinner: history, politics, rhetoric. – Cambridge : Polity Press, 2003. – 216 p.

Searle J. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 208 p.

Searle J. The Construction of Social Reality. – New York : Free Press, 1995. – 241 p.

Skinner Q. Moral Principles and Social Change // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – P. 145–157.

Skinner Q. «Social meaning» and the explanation of social action // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. – Cambridge : Polity Press, – 1988. – P. 79–96.

Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – P. 158–174.

Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 225 p.

Skornicki A. Lectures critiques // Revue française de science politique. 2019. – Vol. 69, N 3. – P. 501–509. – Франц. яз.

Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism

(Academic Dissertation). – Tampere : Tampere University Press, 2011. – 224 p.

Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. – Vol. 1, Iss. 4. – P. 17–19. – Нидерл. яз.

Point of View

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Speech Act as a Factor of Socio-Political Change: Stating the Problem

Daud E. KADYROV

PhD (Philosophy), Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: daudkades@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3232-6307

CITATION: Kadyrov D.E. (2023). Speech Act as a Factor of Socio-Political Change: Stating the Problem. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 187–203 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Received: 23.09.2023.

Revised: 06.12.2023.

ABSTRACT. *The purpose of this study is to pose the problem of analyzing the relationship between conceptual (linguistic) and social changes, as well as to reveal the role of socio-political speech action of political theorists as key actors in these processes. The article considers the issues of the construction and changes of social and political reality, as well as the role of speech acts in these processes as a special type of social action. According to J. Searle's general theory of social reality, speech acts are seen as the basis and a necessary condition for socio-political changes. The structure and elements of speech acts are described within the framework of J. Austin's theory of speech*

acts, supplemented and formalized by Searle. The article discusses the influence of this theory on the formation of the theoretical and methodological approach of the Cambridge School of Intellectual History, used to understand the analysis of socio-political changes in various societies and historical periods. As an example of such research, the article describes the main elements of the approach of one of the Cambridge School's founders Quentin Skinner. The analytical tools used by Skinner and his colleagues help to understand the connection between conceptual and social changes in the history of political thought. Considering political theorists as ideologists, Skinner explains through

the analysis of political languages and ideological context how authors-ideologists, using statements that are the basis of their theoretical concepts and rhetoric, intentionally take certain actions that change the social reality. The possibilities, attempts and prospects of applying the Cambridge School's methodology to the Russian history are also considered.

KEYWORDS: construction of social reality, political ontology, socio-political changes, speech act theory, John Searle, intentionality, socio-political action, rhetoric, Quentin Skinner.

References

- Araújo P. (2017). Pocock and historiography as political language. *Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura*. Vol. 25, no. 1 (33), pp. 275–294 (in Portuguese).
- Atnashev T., Velizhev M. (2018). The Cambridge School: History and Method. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–52 (in Russian).
- Austin J. (1975). *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 168 pp.
- Austin J.L. (2004). Performative – Constative. In: Searle J.R. (ed.). *Philosophy of Language*. Moscow: Editorial URSS, pp. 23–34 (in Russian).
- But N.A. (2003). Category Apparatus of Speech Act Theory in the Aspect of Actual Theories. *Vestnik TGTU*. Vol. 9, no. 1, pp. 130–135 (in Russian).
- Cervera-Marzal M. (2012). For a cooperative conception of the reading methods of Leo Strauss and Quentin Skinner. *Klesis. Revue philosophique*. No. 22, pp. 11–28 (in French).
- Chikov M.V. (2007). The Analysis of Transformation of Institutes: Methodology of Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 294 (January), pp. 212–214 (in Russian).
- Chomsky N. (2007). *On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume*. New York: The New Press, 496 pp.
- Gallotti M., Michael J. (2014). Objects in Mind. In: Gallotti M., Michael J. (eds.). *Perspectives on Social Ontology and Social Cognition*, Heidelberg, New York, London: Springer, pp. 1–15.
- Garsten, B., Palonen K (2007). Book Reviews (Review of Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric). *Ethics*. Vol. 117, no. 3, pp. 566–571.
- Kadyrov D.E. (2018). Methodology of Sociohistorical Knowledge: Approach of the Cambridge School of Intellectual History. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 3, pp. 253–260 (in Russian).
- Karimov A.R. (2010). John Searle on Language Origin and Deontology. *Uchenye zapiski KFU. Gumanitarnye nauki*. Vol. 152, no. 1, pp. 82–93 (in Russian).
- Krassina E.A. (2016). Discourse, Statement And Speech Act. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. Vol. 20, no. 4, pp. 91–102 (in Russian).
- Levin S.M. (2011). Metaphysics and J. Searle's General Theory of Social Reality. *Vestnik LGU imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya*. Vol. 2, no. 3, pp. 161–171 (in Russian).
- Mulsow M., Mahler A. (2010). *The Cambridge School of the History of Political Ideas*. Berlin: Suhrkamp, 286 pp. (in German).
- Nikonenko S. (2017). Intentionality: An American Point of View. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*. Vol. 6, no. 1 (11), pp. 9–44 (in Russian).
- Palonen K. (2003). *Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric*. Cambridge: Polity Press, 216 pp.
- Pocock D.G.A. (2018). The State of the Art (Introduction to Virtue, Commerce, and History). In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow:

Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 142–190 (in Russian).

Pospelova O.V. (2010). Fundamental Ontology of John Searle and requisite conditions of Political Reality. *Vestnik LGU imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya*. Vol. 2, no. 1. pp. 193–203 (in Russian).

Pospelova O.V. (2011). Political Action and the Problem of Free Will in Practical Philosophy of J. Searle. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. No. 23, pp. 42–48 (in Russian).

Radbil V.A., Yumatov T.B. (2013). Application of the Theory of Speech Acts in Forensic Linguistic Examination. Opportunities and Prospects. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No. 1 (1), pp. 286–290 (in Russian).

Richter M. (2018). Pocock, Skinner and Begriffsgeschichte. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 348–380 (in Russian).

Searle J. (1983). *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 288 pp.

Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press, 241 pp.

Searle J. (2004a). Introduction. In: Searle J.R. (ed.). *Philosophy of Language*. Moscow: Editorial URSS, pp. 6–13 (in Russian).

Searle J. (2004b). *Rationality in Action*. Moscow: Progress-Tradiciya, pp. 75–76 (in Russian).

Searle J. (2010). *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 208 pp.

Skinner Q. (1988). “Social meaning” and the explanation of social action. In: J. Tully (ed.) *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Cambridge: Polity Press, pp. 79–96.

Skinner Q. (2002a). Moral Principles and Social Change. In: Skinner Q. *Vi-*

sions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 145–157.

Skinner Q. (2002b). The Idea of Cultural Lexicon. In: Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 158–174.

Skinner Q. (2002c). *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 pp.

Skinner Q. (2005). Language and political change. *Logos*. No. 3 (48), pp. 143–152 (in Russian).

Skinner Q. (2018a). Meaning and Understanding in the History of Ideas. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 53–122 (in Russian).

Skinner Q. (2018b). Motives, Intentions, and Interpretations of Texts. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 123–141 (in Russian).

Skinner Q. (2018c). The Answer to My Critics. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 253–346 (in Russian).

Skornicki A. (2019). Critical readings. *Revue française de science politique*. Vol. 69, no. 3, pp. 501–509 (in French).

Skripnik K.D. (2020). J. Searle: the Analytic-Semiotic Frame of the Construction of Social Ontology. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2, pp. 102–109 (in Russian).

Syrjämäki S. (2011). *Sins of a Historian. Perspectives to the Problem of Anachronism (Academic Dissertation)*. Tampere: Tampere University Press, 224 pp.

The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History (2018). Atnashev T., Velizhev M. (eds.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 632 pp. (in Russian).

Tully J. (2018). Feather – A Mighty Weapon: Quentin Skinner Analyzes Politics. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 253–346 (in Russian).

Vavlov A.V. (2018). Peregrinations of a method: The Cambridge school (of political thought) in varying contexts. *Logos*. No. 4, pp. 261–302 (in Russian).

Velizhev M. (2018). Language and Context in Russian Intellectual History:

Chaadaev's First Philosophical Letter. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 500–521 (in Russian).

Weymans W. (2003). A new lesson of history. *Karakter: tijdschrift van wetenschap*. Vol. 1, issue 4, pp. 17–19 (in Dutch).

Wittgenstein L. (2018). *Philosophical Investigations*. Moscow: AST, 352 pp. (in Russian).